
Research Notes

SAKHALIN'S GOVERNORS AND THE SOUTH KURIL ISLANDS: MOTIVATING FACTORS BEHIND INVOLVEMENT IN THE RUSSO- JAPANESE TERRITORIAL DISPUTE

BRAD WILLIAMS

In the former Soviet Union, foreign policy decisions were largely made at the discretion of the General Secretary of the Communist Party, with some input from other Politburo members. Generally speaking, public opinion and pressure were not important factors in the policy making process.¹ However, with the introduction and advancement of political liberalization in Russia, the leadership increasingly began to depend on public support in both the domestic and foreign policy spheres. This introduced a limiting effect on the government's ability to set foreign policy goals and implement these decisions. Pressure from domestic forces, in particular, has prevented the leadership from making concessions to Japan over the disputed South Kuril Islands/Northern Territories. Prominent amongst these domestic forces is the position of the Sakhalin leadership and local public opinion regarding the territorial dispute: the "Sakhalin factor."²

This article examines the first element of the "Sakhalin factor": Sakhalin's governors, and elucidates their relationship with the aforementioned territorial dispute. The article explores the underlying motives behind their attempts to intervene in bilateral territorial negotiations. It argues that, a genuine desire to maintain Russia's territorial integrity notwithstanding, a significant reason behind this involvement lies in the Sakhalin governors' perception of the territorial dispute as an important weapon to be exploited for political and economic gain.

The disputed islands' value for Sakhalin's governors escalated as a result of Russia's troubled attempts at state-building, which facilitated center-periphery bargaining and the struggle for power between the executive and legislative branches of government throughout the country. The perceived gains derived from exploiting the territorial dispute have reduced the efficacy of Japanese policies designed to alleviate Sakhalin governors' hardline stance on

the South Kuril Islands and, in the process, remove a perceived key obstacle to Russian territorial concessions.

THE FIRST GOVERNOR: VALENTIN FEDOROV

The emerging salience of the "Sakhalin syndrome" became synonymous with the thoughts and actions of one individual – Valentin Petrovich Fedorov – the first Governor of Sakhalin. Fedorov came to Sakhalin with the aim of turning the island into "an experiment for market reforms." He was elected as a member of the Russian Congress of People's Deputies on 18 March 1990.³ The following month he was elected chair of the *oblast* Soviet Executive Committee (*Ispolkom*). He was initially seen as a radical reformer in the economic field with a particularly keen eye on developing relations with the neighboring Japanese island of Hokkaido. The local *Hokkaidô Shimbun* even called Fedorov "Sakhalin's Yeltsin."⁴ The important question for those involved in the Japanese movement for the return of the Northern Territories was whether Fedorov's "radical" views would be limited to economics or if they would apply to the political sphere as well.⁵

This question was soon answered in Fedorov's controversial proposal of a "Fourth Way" (*chetvertyi put'*) to resolve the territorial dispute with Japan. The plan, announced whilst he was on a visit to Hokkaido in August 1990 at the invitation of municipal authorities in Wakkanai, called for turning the four disputed islands, along with Sakhalin and the northern part of Hokkaido, into a free economic zone and developing them jointly with Japan.⁶ It was initially hoped that the establishment of a free trade zone would lead to an influx of foreign, mainly Japanese, capital, which would improve the regional economy and, as a result, strengthen Russia's control over the islands.⁷ The proposal was unacceptable to the Japanese as it called for the is-

lands to remain under Soviet sovereignty. Fedorov was critical of the "Third Way" of resolving the territorial dispute, put forward by Aleksandr Iakovlev, a Central Committee secretary and one of the architects of *perestroika*, during a visit to Japan in November 1989. The "Third Way" was not a choice between returning the four islands ("Second Way") or a continuation of the status quo (no islands or "First Way"), but called for both sides to reach a compromise – either selling the islands to Japan or joint administration. Fedorov, on the other hand, stressed that a lesson must be learnt from Tsarist Russia's sale of Alaska (to the United States in 1867 for \$7.2 million), which brought Russia little economically and also no peace with the United States. According to Fedorov, if Russia were to receive billions of dollars from Japan for the islands, "that would be a drop of freshwater in the saltwater sea of our problems. Our inefficient system will consume the money, and in a couple of years Russia will have neither money nor islands."⁸

Fedorov's "Fourth Way" proposal was unique and certainly contrary to the common practice of Soviet regional elites toeing the party line and refraining from becoming involved in foreign policy matters, and particularly issues of territorial sovereignty. Fedorov's initial – and as it turned out not the last – foray into a policy-area commonly perceived as the state's exclusive preserve may well have been a politically calculated move. Kimura Hiroshi, an expert on Japanese-Soviet/Russian relations, suggests that Fedorov made this proposal in response to one by his rival Vitalii Gulii, a journalist and member of the USSR Congress of People's Deputies representing South Sakhalin and the Kuril Islands, which called for joint management of the islands in order to create a favorable environment for resolving the territorial dispute.⁹ Gulii even went as far to say that both the Soviet Union and Japan had a strong legal case to the disputed islands.¹⁰ Gulii's political credentials were earlier boosted by winning a landslide victory over the *oblast's* First Secretary V. Bondarchuk¹¹ in local elections in 1989, running on a platform of creating a "salmon-trout kingdom," which opposed the unchecked development of Sakhalin. Gulii reportedly received 90% of the vote on the disputed islands.¹² Yeltsin later appointed him as presidential representative (*predstavitel' prezidenta*) for Sakhalin.¹³ As a politician, it was necessary for Fedorov to

be cognizant of and responsive to any proposals put forward by his political rivals regarding the South Kuril Islands. As will be discussed shortly, Fedorov's less than comprehensive victory in the March 1990 elections to the Russian Congress of People's Deputies heightened his awareness of the territorial dispute's political value.

Having had his "Fourth Way" proposal rejected by Moscow and Tokyo, Fedorov launched a vocal campaign aimed at maintaining Russian sovereignty over the South Kuril Islands. Some of his more notable acts included cutting short a visit to Japan in April 1991 in protest at what he believed was Mikhail Gorbachev's overly conciliatory response to Japanese territorial demands; threats to create a Far Eastern Republic should the Soviet Union transfer the disputed islands to Japan; a plan to establish Cossack settlements on the islands; the announcement in September 1992 that a Hong Kong company, Carlson-Kaplan, had signed a US\$7.8 million contract with the regional administration to build a resort and casino complex on Shikotan Island; threats that "patriots will overthrow the government and block the return [of the islands]" should Yeltsin accede to Japan's territorial demands; and extensive lobbying of the Kremlin and other regions in the Russian Far East.

Fedorov's opposition to Yeltsin's proposed visit to Japan and other attempts to complicate Russian policy towards Japan regarding the territorial dispute contrasted with the position of the chairman of the Sakhalin People's Deputies Council, Anatolii Aksenov. In the early post-Soviet period, many regions had become arenas in the struggle for power between Yeltsin-appointed executives (Heads of Administration or *glava administratsii*) and the regional legislatures. Perceptions of popular legitimacy were at the root of this conflict. The regional legislatures believed they had been given popular mandates as a result of the 1990 elections, whereas they viewed the *glava administratsii* less favorably. Their power derived from Moscow's or, more precisely, Yeltsin's fiat. Whilst Fedorov was trying to arouse local opposition to any territorial concessions and refused to participate in any discussions where Russian jurisdiction over the South Kurils was questioned, Aksenov, on the other hand, displayed a willingness to cooperate with central authorities. After visiting the Tatar Republic in July 1992 for a meeting of re-

gional parliamentary leaders hosted by the Chairman of the Russian Supreme Soviet, Ruslan Khasbulatov, Aksenov traveled on to Moscow to participate in the Burbulis Commission (chaired by the then-State Secretary and former First Deputy Prime Minister Gennadii Burbulis) that was preparing for Yeltsin's visit to Japan.¹⁴

Signs began to emerge of a difference of opinion amongst the Sakhalin leadership regarding the South Kuril problem. This was highlighted in an interview Fedorov and Aksenov gave to the *Hokkaidô Shimbun* in Iuzhno-Sakhalinsk after Fedorov's tour of the disputed islands. In the interview Fedorov repeated earlier assertions that a territorial problem did not exist in Russia, which was reminiscent of the Soviet attitude during the Brezhnev period, and also that the 1960 Gromyko memorandum had put an end to any discussions regarding the 1956 Japan-Soviet Joint Declaration. Aksenov disagreed, declaring that the territorial problem did exist and if a special decision was given concerning the Joint Declaration, the territorial problem could be resolved.¹⁵ However, he did not explain what such a "special" decision would entail. As will be discussed shortly, if any difference of opinion between the regional executive and legislative branches regarding the territorial dispute existed at this time, it would soon disappear. Both branches of government are now vehemently opposed to Russia transferring the South Kuril Islands to Japan.

It has been suggested that Aksenov, seen by many as a reformer, was attempting to gather the support of anti-Fedorov deputies in the regional legislature to put an end to the governor's recklessness and strengthen his own power base.¹⁶ Aksenov was thus trying to distance himself from Fedorov's hardline position and present himself as a reasonable and rational alternative to the fiery Sakhalin Governor. The South Kurils issue was becoming a tool in the political struggle in Sakhalin. Later, however, Aksenov, perhaps sensing the prevailing political current in the region, was not prepared to go any further than to recognize the existence of the territorial dispute, agreeing that Yeltsin should not hurry a resolution.¹⁷ Aksenov's position within the Sakhalin leadership did not go unnoticed in Japan's ruling Liberal Democratic Party (LDP). In March 1991, the LDP dispatched a four-member delegation to Sakhalin to meet with Aksenov. Led by Satô Takayu-

ki, the acting LDP Secretary-General, who was often dispatched abroad to conduct delicate diplomatic assignments, the delegation's primary purpose was to change Aksenov's position regarding the territorial dispute, thereby neutralizing the Sakhalin administration's negative pressure upon Gorbachev in the leadup to the Soviet-Japanese summit in April 1991.¹⁸ Fedorov's actions during and after Gorbachev's visit to Japan, however, suggest the delegation was unable to achieve its objective.

Astrid Tuminez argues that elites, in general, are likely to resort to the use of nationalistic propaganda if they believe there are benefits to be derived from such an undertaking.¹⁹ Before arriving on Sakhalin with a pledge to carry out a "market experiment," Fedorov gave few indications of the vitriolic, nationalistic campaign upon which he was about to embark. Indeed, the first item of Fedorov's five-point proposal to conduct an "experiment" on Sakhalin called for all state authority, *except in the areas of diplomacy and defense* (emphasis added), to be transferred to Sakhalin.²⁰ Moreover, Fedorov was reported to have proposed the islands' partial return at an economic forum held in Tokyo in January 1991.²¹ This suggests that at this stage Fedorov was not cognizant of the perceived gains to be made by exploiting the territorial dispute. Nevertheless, it is difficult to argue that he was not a sincere patriot deeply committed to maintaining Russian territorial integrity. It was previously noted that Fedorov certainly went to extreme lengths to display his patriotic credentials, which, in effect, led to a *de facto* localization of diplomatic channels and complicated Soviet and later Russian policy towards Japan vis-à-vis the Northern Territories problem.²² He was even a member of the People's Patriotic Party (*Narodno-patrioticheskaia partiia*).²³

At the same time, however, there also appear to be economic and political considerations underpinning his campaign to maintain Russian sovereignty over the South Kuril Islands. According to Iakov Zinberg, Fedorov initially began opposing Moscow on purely economic grounds.²⁴ Upon arriving in Sakhalin, Fedorov began calling for more economic autonomy from Moscow. In order to implement his plan to develop the South Kurils economy, it was vitally important to control the islands and subsequently the rich fishing grounds located in their exclusive economic zone

(EEZ). The prospect of returning the islands to Japan has raised fears that the inevitable increase in Japanese fishing activities in the South Kurils EEZ would result in a reduced catch for local fishers.

With the failure of his “experiment” to deliver the promised results and the economic crisis that had befallen the island, Fedorov came under increasing attack from his political opponents in the regional legislature and from Moscow.²⁵ Stirring up nationalist opposition to a transfer of the disputed islands to Japan thus became a convenient tool to divert attention from Fedorov’s failing economic program and to strengthen his political position vis-à-vis his local and federal opponents. As mentioned previously, Fedorov was elected by his peers in the regional soviet as chairman of the *oblast Ispolkom* in April 1991. Boris Yeltsin later appointed him to the post of *glava administratsii* in October 1991 – thus essentially transforming Fedorov from an elected official into an appointed one. As a result, he became vulnerable to dismissal by the capricious Russian President who, throughout his period of office, would display a proclivity for sacking political appointees.

Moreover, although Fedorov was elected as one of Sakhalin’s five deputies to the Russian Congress of People’s Deputies in March 1990 – his only opportunity to receive a direct mandate from the people – the election result was not entirely clear-cut. As Iakov Zinberg notes, Fedorov only finished second out of nine candidates in the first round of voting, receiving 12.57% of the votes, compared with Bok Zi Kou, an economics professor of Korean descent at the Iuzhno-Sakhalinsk Pedagogical Institute, who received 17.65%.²⁶ Although Fedorov was victorious in the run-off, he reportedly did not obtain an absolute majority and only finished nine points clear of his challenger Bok.²⁷ It is worth noting that during the election campaign to the Russian Congress, the territorial problem was hardly raised. Fedorov mostly emphasized the economic reform program he had planned for Sakhalin, whilst Bok Zi Kou spoke of “sincerely hoping for the development of the homeland.”²⁸ The reason why the territorial dispute was not a major topic during the election campaign was because the seeds of the conflict between the Russian Republic and the federal government over the “Kurils problem” had not yet germinated.²⁹ At this stage, the territorial dispute had not presented itself as an

opportunity for Fedorov to exploit.

Fedorov’s outspoken criticism of the government’s economic reform program, his interference in territorial negotiations with Japan and, perhaps most importantly, the failure of his own “experiment” with the Sakhalin economy led to calls from within and outside the region for his dismissal. Whether he was compelled to or not is unclear, but on 2 April 1993 Valentin Fedorov resigned.³⁰ Yeltsin nominated Yevgenii Krasnoiarov, the general manager of the Russo-Japanese fisheries joint venture, Pilenka Gôdô, as Fedorov’s successor.

THE SECOND GOVERNOR: YEVGENII KRASNOIAROV

Krasnoiarov was initially known as someone who avoided political struggles and, generally speaking, his brief tenure as Governor of Sakhalin was not particularly significant – at least as far as trying to complicate Russo-Japanese territorial negotiations.

Unlike his predecessor, Valentin Fedorov, Krasnoiarov admitted the territorial dispute existed, but ruled out transferring the islands to Japan until the domestic economy stabilized and there was parity in Russo-Japanese living standards.³¹ Krasnoiarov made grandiose plans to establish a South Kurils Investment Bank which, not surprisingly, failed to get off the ground due to insufficient capital and, in December 1994, tried to strengthen Sakhalin’s control of the South Kurils by reorganizing the regional government’s administrative system so that all the Kurils were to come under a newly created Department of the Kurils.³² Krasnoiarov also demonstrated that, when necessary, he could play the role of defender of regional interests. Concern over an escalation in “illegal” Japanese fishing in the disputed islands’ EEZ led to the establishment of a five-kilometer security zone along the maritime border in January 1994. He also tightened foreign access to the area and expressed support for the continued deployment of Russian forces on Sakhalin and the South Kurils later the same month.³³

As far as the South Kurils are concerned, perhaps the most significant aspect of Krasnoiarov’s governorship, or at least the most documented, was a jurisdictional challenge launched by Primorskii *krai* Governor, Yevgenii Nazdratenko. In April 1994, Nazdratenko announced that he wanted control of the Kuril Islands to be transferred

to Primorskii *krai*. In addition, he promised increased investment in the islands' fishing enterprises and claimed that Sakhalin was unable to support them.³⁴ Nazdratenko's proposal was roundly criticized by Sakhalin authorities who believed, quite understandably, that the Primorskii *krai* Governor had no right to meddle in Sakhalin's internal affairs. In response to the outcry from Sakhalin, Nazdratenko argued that incorporating the Kurils into Primorskii *krai* was not a political move and not a territorial claim, but was motivated by the desire to recreate the single economic complex which existed earlier in the Far East.³⁵ He also fired a broadside at Sakhalin authorities claiming that the residents of Iturup's appeal to the Japanese government, and not the Sakhalin administration, for economic assistance was a national disgrace.³⁶

Despite Nazdratenko's claims to the contrary, the proposal was a politically calculated move designed to appeal to local fishers, who would benefit from integrating the Kurils into Primorskii *krai*, ahead of the first gubernatorial elections to be held the following year. As his very public campaign to oppose the 1991 Sino-Russian border demarcation agreement demonstrates, Nazdratenko never hesitated to exploit nationalist sentiments for political gain. The Kremlin's initial response to the proposal was not to reject it outright. Rather, it recommended that the government, Federation Council and Federal Counter-Intelligence Service examine the question. If all parties agreed, a referendum would be held. If two-thirds of the residents of Primorskii *krai* and the Kurils, in addition to a two-thirds majority of the Federation Council agreed, a transfer could be carried out.³⁷ It has been suggested that the proposal might not have been a complete surprise to the federal government. According to V. Venevtsev and D. Demkin, Moscow's preoccupation with maintaining the state's territorial integrity was believed to be behind Nazdratenko's proposal as it would not only strengthen Russia's political assets against Japan, but also allow Moscow to make cuts in previously promised subsidies to these territories.³⁸

Nazdratenko's proposal had the additional effect of signaling to the Japanese that authorities in Sakhalin were not alone in their opposition to returning the disputed islands. This gave more credence to claims by the Russian government that strong domestic factors, notably public opinion, were

standing in the way of Russian territorial concessions. If the Russian government thought that transferring the islands to Primorskii *krai*'s jurisdiction would alleviate the burden of its expected financial assistance, it was mistaken. The economic situation in Primorskii *krai* was just as severe, if not worse, than Sakhalin *oblast*. As a result, Kuril authorities and the embattled islanders could expect little in the way of financial assistance from Primorskii *krai*. Nazdratenko's proposal was not implemented and was quietly shelved.

The issue surrounding control over the South Kurils has not only led to jurisdictional quarrels at the regional level, but has also created tensions in Sakhalin's relations with local authorities on the disputed islands themselves. The four islands over which Japan lays claim are divided into two administrative districts or *raiony*: the Kuril District, which comprises Etorofu, and the South Kuril District, which encompasses the islands of Kunashiri, Shikotan and the unpopulated (except for a border guard detachment) Habomai islets. Both *raiony* are under the jurisdiction of Sakhalin *oblast*. The islands' residents, quite justifiably, feel they have been neglected by regional authorities in Sakhalin who, as a result of chronic shortages in the federal budget, receive fewer funds from Moscow and in turn pass down even less to the locales. This has left local administrations on the disputed islands with insufficient financial resources to carry out their ever-increasing social-welfare responsibilities. The islands' geographic isolation – only accessible by air and sea links, which are frequently disrupted by harsh and unstable weather conditions – has further compounded the economic crisis. The shortfall in funding has compelled local authorities in the South Kuril District, in particular, to launch a series of appeals and proposals independently of Sakhalin in an attempt to attract economic assistance. These include turning the South Kurils into a free economic zone, leasing the islands and allowing Japanese fishers to operate in the disputed islands' EEZ in return for fishing fees. The most blatant challenge to Sakhalin's jurisdiction over the South Kuril District was former mayor Vladimir Zema's threat to secede in 1997 if economic assistance was not forthcoming. The District's charter, adopted in October 1996, contains a number of clauses that appear to have provided a further boost to the secessionists' cause.³⁹ These acts have not

only drawn attention to the economic plight of the South Kurils, but have also cast doubts on the ability of regional authorities to administer the islands and, in the process, resulted in acrimony between the *oblast* and *raion*.

Despite weathering Nazdratenko's challenge, Yevgenii Krasnoiarov's tenure as Governor of Sakhalin was to be relatively short-lived. He was forced to resign on 24 April 1995 due to a combination of health problems, a desire to take up alternative employment, as well as criticism of his lack of leadership in formulating a reconstruction package for the South Kurils after the devastating earthquake that struck the islands in October 1994.⁴⁰

SAKHALIN'S THIRD GOVERNOR: IGOR FARKHUTDINOV

Yeltsin chose as Krasnoiarov's successor Igor Pavlovich Farkhutdinov,⁴¹ the mayor and chairman of the Iuzhno-Sakhalinsk *Ispolkom*. Soon after taking over the gubernatorial reins, Farkhutdinov, in an interview with the *Hokkaidô Shimbun*, signaled he would follow Krasnoiarov's basic approach of seeking to delay a resolution to the South Kurils dispute until the economic gap between Japan and Russia was eliminated, after which he was prepared to examine the issue.⁴² He was, however, more explicit than his predecessor in his expectations that Japan might contribute to reducing this gap through joint development, arguing "the most important thing is Japanese cooperation for the economic development of the islands. We welcome the advance of Japanese companies."⁴³ Although far from an expression of support for returning the islands, Farkhutdinov's announcement offered a glimmer of hope as it identified the necessary preconditions for Russia to reconsider its position regarding the disputed islands. For Japan, some solace could be gained from the fact that Farkhutdinov, at least for the time being, did not regress to Fedorov's hardline position of refusing to recognize the territorial problem's existence and to take part in any discussions to decide the issue of the islands' ownership. The idea of jointly developing the islands was, in fact, not a new one, having been first proposed in negotiations during Gorbachev's visit to Japan in April 1991.

If Farkhutdinov was initially seen as having moderate views on the territorial

dispute in Japan, he soon moved to dispel this notion. In the lead up to the first-ever gubernatorial elections scheduled to be held on 20 October 1996, Farkhutdinov found it necessary to pander to the nationalist vote when he asserted in an article in *Sovetskii Sakhalin* that "all the Kuril Islands have been and will remain Russian territory."⁴⁴ A further hardening of Farkhutdinov's position was reflected in an article in *Rossiiskaia gazeta*: "The Kuril problem does not exist. The Kurils, by rights of the first settlers and the results of the Second World War, is Russian territory from a long time ago."⁴⁵ This comment clearly contradicted an earlier statement by Boris Yeltsin, contained in an official letter brought to Japan in September 1991 by Ruslan Khasbulatov, that relations between Russia and Japan would no longer be perceived in terms of victor and vanquished.

Farkhutdinov went on to win the election, but did not obtain an absolute majority, receiving only 39.47% of the vote – a little more than 10 points clear of his closest rival, the chairman of the Sakhalin Center for Standardization and Meteorology, Anatolii Chernyi.⁴⁶ To what extent Farkhutdinov's hardline stance on the territorial issue contributed to his election victory is unclear. In the harsh economic climate that made the struggle for survival a priority for local residents it would be an exaggeration to say Farkhutdinov's position regarding the territorial dispute was a contributing factor. In fact, just before the gubernatorial elections, he traveled to Moscow to meet with Prime Minister Viktor Chernomyrdin and Anatolii Chubais, then head of the presidential administration, and extracted a promise of 60 billion rubles in central funding for Sakhalin's development – a move which is thought to have boosted his election chances.⁴⁷ However, fishers, whose livelihood would be threatened as a result of transferring the islands to Japan, and other social groups who have a vested interest in Russia's continued control of the South Kurils would have taken careful note of the governor's comments. Despite obtaining a popular mandate, which theoretically increased his powers within the region and vis-à-vis Moscow and made him no longer indebted to the President for his position, Farkhutdinov backtracked somewhat from his pre-election rhetoric and showed a preparedness to follow the Kremlin's line by at least recognizing the existence of the territorial dispute.⁴⁸

Despite his somewhat reluctant and belated recognition of the Northern Territories problem's existence, Farkhutdinov showed the Sakhalin administration was unwilling to stand by idly and watch Moscow negotiate with Tokyo over the islands' fate. Although certainly not as pugnacious and critical of the Russian government as Valentin Fedorov, Farkhutdinov also demonstrated an ability to complicate matters involving the South Kuril Islands. For instance, Farkhutdinov actively sought to introduce foreign capital for the reconstruction and development of the disputed islands; authorized and financed the joint construction of a cross with the Orthodox Church on *Ostrov Tanfileva* in the *Mala Kuril'skaia griada* (which the Japanese call Suishō Island – part of the Habomai islets) immediately after the November 1997 Yeltsin-Hashimoto summit to commemorate the deeds of Russian settlers who first discovered the islands 300 years ago; and in a move ostensibly to preserve the islands' unique and precious natural environment but essentially designed to force international recognition of Russian sovereignty over the disputed islands, he sent a proposal to the Russian Ministry of Foreign Affairs to put Kunashiri, Shikotan and the Habomai islets on the World Heritage List.

There appear to be two fundamental reasons that can explain why Farkhutdinov sought to block any moves by the Russian government to hand the disputed islands to Japan. According to Steven Solnick, "First, he seems to be using the populist issue of Russian sovereignty over the territories to solidify his domestic political base within the oblast."⁴⁹ As discussed previously, although Farkhutdinov won Sakhalin's first gubernatorial elections in October 1996, his total percentage of the vote was just under 40% – sufficient to defeat his closest challenger, but certainly not enough to warrant any complacency. Farkhutdinov was re-elected in October 2000, receiving approximately 57% of the vote.⁵⁰ Moreover, given that public opinion polls have consistently shown that an overwhelming majority of *oblast* residents are opposed to transferring the South Kuril Islands to Japan,⁵¹ Farkhutdinov's high profile stand against a return of the islands resonated with nationalist sentiments in Sakhalin, which, like most of Russia, have been triggered by, *inter alia*, poor socio-economic conditions and an identity crisis following the traumatic loss of empire.

In particular, the position of the Sakhalin *oblast* Duma vis-à-vis the territorial dispute necessitated a hardline response from the Governor. It has consistently taken an uncompromising stand over the South Kuril Islands. The regional Duma has protested against foreign companies using maps that show the disputed islands to be Japanese territory and has also lobbied Moscow and the Far East and Lake Baikal Interregional Association for Economic Cooperation to take steps against any further "cartographic expansion into Russian territory." Moreover, in September 2001, the regional Duma organized a public parliamentary hearing to discuss the territorial dispute. The recommendation of the two-day hearing, made to the Russian government, State Duma and President Putin, held no surprises: do not return the Kuril Islands to Japan.⁵² It should also be noted that it was also the regional legislature that adopted the *oblast* charter (*ustav*), which preconditioned any transfer of the islands upon a referendum, debated in May 2001 whether to propose a revision of the federal Constitution that would make relinquishing the disputed islands legally impossible and has periodically issued declarations and resolutions in support of continued Russian control of the islands.⁵³

Nationalist sentiments are not the only factor behind the attachment to the South Kuril Islands. As discussed previously, the islands' EEZ is blessed with abundant marine resources and is said to be one of the world's three great fisheries, containing the spawning grounds for several commercially viable fish species. Powerful regional interest groups in the form of the military and the fishing industry are viscerally opposed to Russia transferring the South Kuril Islands to Japan. The fishing industry, which is the mainstay of the regional economy, stands to lose hundreds of millions of dollars if the disputed islands are transferred to Japan. The industry's contribution to regional coffers and representation in the *oblast* Duma makes it a voice to be heard on matters concerning any possible negotiated settlement to the territorial dispute. Similarly, Russia's law enforcement agencies and armed forces, which have been adversely affected by economic reforms, receive various material benefits from participating in the legal and illicit trade in fish and marine products that has flourished under Russian control of the South Kuril Islands. They also act as an impediment to the regional polit-

ical elite adopting a more conciliatory position on the territorial dispute.⁵⁴

In addition, Farkhutdinov's outspoken opposition to Russian territorial concessions has also served as an important means of extracting greater economic resources from Moscow.⁵⁵ The Soviet command economy's collapse and the failure to develop a consensus-based integrated financial framework in Russia have led to a large number of regions concluding special arrangements with Moscow regarding tax allowances and subsidies. Moreover, Russia's development as a treaty rather than a Constitutional federation, which has institutionalized the principle of asymmetrical federalism, has provided an environment conducive to inter-federal bargaining in post-Soviet Russia. The arrangements differ from region to region and depend on the strategic importance of the provinces for the center, value of their natural resources and political assertiveness of regional politicians.⁵⁶ Sakhalin *oblast*, as a whole, has benefited in the past with the announcement of a number of multi-million dollar federal programs for the Kuril Islands' socio-economic development, although Moscow's failure to make good on most of its financial pledges raises doubts about the financial gains to be made from pursuing such a strategy. Exploiting the territorial dispute has also proved beneficial in other ways. Farkhutdinov signed a power sharing agreement with former Prime Minister Viktor Chernomyrdin in May 1996 between Sakhalin *oblast* and the Russian Federation which covered, amongst others, areas such as land use, education and international economic ties.⁵⁷

According to Arai Nobuo, a Japanese expert on the political economy of the Russian Far East, Farkhutdinov, who had over 20 years experience in local politics and was an astute politician, adopted a "third position" (*dai-san no tachiba*) on the territorial dispute in order to maximize Sakhalin's influence. This "third position" "was fluid and regulated by many variables including the Russian federal government's Japan policy, the Japanese government's Russia policy, the will of the islanders expressed through various elections and Sakhalin public opinion."⁵⁸ Contrary to Japanese media reports, Arai doubts that Farkhutdinov was a "simple hardliner" (*tanjun kyôkôha*), for if he was, he would have refused Japanese aid and opposed the visa-less exchange program. It should be noted that Farkhutdinov did in fact threaten to cancel

the visa-less exchanges.⁵⁹ However, this was in response to what he correctly perceived as Japanese efforts to link cross-cultural exchange with the movement to demand the Northern Territories' return. Farkhutdinov was not opposed to the program per se. On the contrary, he would have preferred to see it expanded to include Sakhalin residents. Such a "hardline" approach – if one were to hypothesize that for the Russian government, improving relations with Japan is a sufficiently high priority – would lead the Kremlin to ignore Sakhalin and press ahead in negotiations with Japan, thereby reducing Sakhalin's influence. On the other hand, if Sakhalin were to hand the Russian government "blank power of attorney" (*hakushi inin*) in matters pertaining to the territorial dispute, Arai believes Moscow would not take into account Sakhalin's position.⁶⁰ Here it is necessary to re-emphasize that the political and economic benefits regional elites derived from exploiting the territorial dispute virtually assured that Sakhalin would not be prepared to hand the federal government any of its perceived rights over the islands.

Sakhalin's position regarding the South Kuril Islands not only complicates Russian territorial negotiations with Japan, but is also believed to have the potential to cause difficulties for the federal government concerning the massive offshore oil and gas development projects around Sakhalin. Steven Solnick suggests Sakhalin might be tempted to use its potential veto over any deal to resolve the territorial dispute as a bargaining chip to readjust the federal-regional revenue split from the projects or reinterpret Product Sharing Agreements (PSA).⁶¹

Regional authorities have been critical of Moscow, in particular the former communist-dominated State Duma, for blocking the necessary legislation designed to protect foreign investment in the region.⁶² The lack of such legal provisions is one of the main factors that have limited foreign investment in Sakhalin during the first decade of post-Soviet reforms. The expected wealth generated from the oil and gas development projects will benefit Sakhalin enormously. These projects represent an important opportunity for Sakhalin to emerge from its long-standing economic slump. There must be some doubts as to whether regional authorities would deliberately destabilize the economic environ-

ment by seeking to readjust the federal-regional revenue split from the projects or alter the PSA in order to thwart any resolution of the territorial dispute. That said, one must also not underestimate the irrationalism that emotional attachments to territory can induce in people.

Given the federal government's inability to make good on its promises of financial assistance to the region, one might argue that it would be better for regional authorities in Sakhalin to come out in support of Russia transferring the islands to Japan, or in the very least stifle their own opposition to this. Such a move would unleash a wave of much needed Japanese financial support for Sakhalin. The political value regional elites have seen in exploiting the territorial dispute is one reason such a strategic shift has not been seriously considered. Moreover, there are probably reduced expectations in Russia that a decision to return the islands to Japan would result in a substantial bonus in terms of Japanese economic assistance for its embattled economy. Economic assistance of this magnitude would be dependent upon improved Japanese sentiments towards Russia and Japan's own ability to fund such a package. One cannot discount the possibility that Japanese gratitude for a possible Russian return over the Northern Territories may be short-lived, in a manner akin to Japanese appreciation for America's return of Okinawa in 1972 and the "China euphoria" following the signing of the Sino-Japanese Peace Treaty in 1978.⁶³

For many Japanese, the Russian occupation of the "Northern Territories" is both unjust and illegitimate. They would therefore probably see any Russian decision to return the islands as being a matter of course. Any "Russia euphoria" that might follow a decision to return the islands would be relatively small in scale and short-lived. Moreover, the poor state of the Japanese economy and Russia's unstable investment environment further reduce the likelihood of a subsequent economic assistance package for Russia. Political leaders in Russia are more than likely to be cognizant of the limits of Japanese largesse.

CONCLUSION

This article focused on Sakhalin's governors and outlined their positions on the dispute over the South Kuril Islands. It addressed the question as to why Sakha-

lin's governors adopted an unyielding stance in opposition to Russian territorial concessions. It argued that Valentin Fedorov and Igor Farkhutdinov, in particular, sought to exploit the Northern Territories dispute for political and economic gain by adopting very public, and sometimes innovative, campaigns to prevent the federal government from transferring the disputed islands to Japan. The territorial dispute proved to be a useful tool for both governors, who have played the nationalist card, in order to strengthen their sometimes-unstable domestic political bases. As the case of former Primorskii *krai* Governor, Yevgenii Nazdratenko, demonstrates, Fedorov and Farkhutdinov have not been the only embattled Russian regional leaders to wrap themselves in the nationalist cloak in order to divert attention and criticism away from economic mismanagement and corruption. Local opposition to Russian territorial concessions has also enabled Sakhalin to extract economic concessions and benefits from both the Russian federal government and Japan where the "Sakhalin factor" is seen as an important element in Russian domestic affairs pertaining to the South Kuril Islands. However, the former's inability to make good on most of its promises of support casts some doubts on the economic value of such a strategy. It is for these reasons that the political elites in Sakhalin, genuine nationalistic sentiments notwithstanding, have been unwilling to take a conciliatory stand on the territorial dispute. This is an important reason why the strategy proposed in some circles in Japan to promote cooperative relations with Sakhalin as a means of alleviating opposition to Russian territorial concessions has been largely unsuccessful.

NOTES

- 1 Roger E. Kanet and Susanne M. Bigerson, "The Domestic-Foreign Policy Linkage in Russian Politics: Nationalist Influences on Russian Foreign Policy," *Communist and Post-Communist Studies* 3: 4 (1997), p. 335.
- 2 Sakhalin's influence on domestic policy making in the period immediately preceding the Soviet Union's collapse was first brought to the attention of Japanese and Western scholars through the writings of Iakov Zinberg. He coined the term the "Sakhalin syndrome" to describe a situation in which "the Soviet leadership cannot decide a position on the 'Northern Territories' problem whilst ignoring the position of Sakha-

- lin *oblast* deputies and local public opinion." Iakov Zinberg, "Soren Hoppô Ryôdo Seisaku to 'Saharin Shindoromu' [The Northern Territories Policy of the Soviet Union and the 'Sakhalin Syndrome']," *Soren Kenkyû* 12 (1991), p. 136. Sections of the Japanese mass media have also noted the importance of the "Sakhalin factor" as it pertains to the Russo-Japanese territorial dispute. See, for instance, *Asahi Shimbun*, 14 December 1997, p. 2; *Hokkaidô Shimbun*, 16 September 1995, p. 2; *Saharin to Nihon* 111 (1998), p. 2. It should be noted that *Saharin to Nihon* is in fact a newsletter published by the Japan-Sakhalin Society. In academic circles Arai Nobuo argues that "Russo-Japanese peace treaty negotiations that have been formed and based on the assumption of the Russian federal government as the sole concerned party and Japanese domestic public opinion regarding this is pressed to pay greater attention to the 'Sakhalin factor'." Arai, Nobuo, "'Biza-nashi Kôryû' ni miru Roshia ni okeru Seifu-kan Kankei to Nichi-Ro Kankei e no Eikyô [Inter-governmental Relations in Russia as Seen in the Visa-less Exchange Program and Its Influence on Japan-Russia Relations]," *Sapporo Kokusai Daigaku Kiyô* 31 (2000), p. 51. Similarly, Duckjoon Chang states that "...the positions of provincial leaders may have substantial ramifications for the territorial issue. Insofar as the independent minded provincial leaders insist on their own administrative rights over the disputed islands, bilateral relations between Japan and Russia may face an impasse which would be difficult to overcome." Duckjoon Chang, "Breaking Through a Stalemate? A Study Focusing on the Kuril Islands Issue in Russo-Japanese Relations," *Asian Perspective* 22:3 (1998), p. 182.
- 3 *Spisok narodnykh deputatov RSFSR na 12 fevralia 1991 g.* (Moscow, 1991), p. 97.
 - 4 *Hokkaidô Shimbun*, 2 May 1990, p. 8.
 - 5 It is worth noting that Fedorov's economic views were not as radical as many were led to believe. He was a vocal critic of the early economic "shock therapy" program launched by the Gaidar-led Russian government. He instead called for a social market economy and more gradual reforms.
 - 6 *Sovetskii Sakhalin*, 29 August 1990, p. 1.
 - 7 Fedorov was at best ambivalent toward the idea of establishing a free trade zone incorporating Sakhalin and the Kurils (at least with foreign involvement), soon arguing that with the weakened state of the Soviet economy, an unrestricted influx of foreign capital and laborers would transform Soviet territory into a foreign colony with irreversible consequences. He instead called for development to be oriented toward domestic possibilities. See Valentin Fedorov, "Moia Kontseptsia: Sakhalinskii Eksperiment," *Problemy Dal'nego Vostoka* 1 (1991), p. 13.
 - 8 Valentin Fedorov, *Yeltsin: A Political Portrait* (Washington, 1996), p. 115.
 - 9 Kimura, Hiroshi, "Ryôdo no Torihiki o Yurusanu Jûmin Kanjô [The Residents' Emotion Which Do Not Allow Territorial Trading]," *Asahi Jânaru* 32:42 (1990), p. 29.
 - 10 Robert Valliant, "The Political Dimension," in Tsuneo Akaha, ed., *Politics and Economic in the Russian Far East: Changing Ties with Asia-Pacific* (London, 1997), p. 4.
 - 11 Bondarchuk was the successor to long-standing local Party chief Petr Tretiakov who was forced to step down in the face of unprecedented, large-scale street demonstrations in the wake of corruption charges in May 1988.
 - 12 Nagoe, Kenrô, "Saharin kara mita Hoppô Ryôdo [The View of the Northern Territories from Sakhalin]" *Sekai Shûhō* (May 1989), pp. 71-72. Whether the residents of the South Kuril Islands cast their votes in favor of Gulii's joint management proposal remains unclear. In the above article Kimura claims the proposal was met with widespread criticism on the islands. Gulii challenges this view, saying that the islanders supported his joint management proposal.
 - 13 Russian President Vladimir Putin later appointed Gulii Deputy Presidential Representative for the Far East in May 2000. Some in Japan saw the appointment of Gulii, known for his flexible approach toward the territorial problem, as an expression of the importance Putin places on relations with Japan and also as a counter to the hardline approach to the problem exhibited by the Sakhalin regional administration. See *Hokkaidô Shimbun*, 20 September 2000, p. 8.
 - 14 *Hokkaidô Shimbun*, 9 September 1992, p. 3.
 - 15 *Hokkaidô Shimbun*, 13 October 1991, p. 1.
 - 16 Vitalii Gulii expressed this view. See *Hokkaidô Shimbun*, 13 October 1991, p. 1.
 - 17 Aksenov had even warned that there would be riots if the islands were returned. *Hokkaidô Shimbun*, 24 August 1992, p. 5.
 - 18 Yakov Zinberg, "Subnational Diplomacy: Japan and Sakhalin," *Journal of Borderlands Studies* 10:2 (1995), pp. 94-95.
 - 19 Astrid S. Tuminez, "Russian Nationalism and the National Interest in Russian Foreign Policy," in Celeste A. Wallander, ed., *The Sources of Russian Foreign Policy After the Cold War* (Boulder, 1996), p. 44.
 - 20 Arai, Nobuo, "Gorubachofu o Seiyaku suru Chihô no 'Gekokujô' [The Lower Dominating the Upper' in the Regions Restricts Gorbachov]," *Sekai Shûhō* (10 March 1991), p. 123. Democratic forces in Sakhalin who helped Fedorov come to power claimed they had been

- deceived by a "political adventurer straight out of the pages of Russian fiction." Sophie Quinn-Judge, "Hobbled by Old Habits," *Far Eastern Economic Review* 155:10 (1992), p. 16.
- 21 Fedorov is quoted as saying "I think it is better to return part of the four islands to Japan. Further decades will be wasted between Japan and the Soviet Union if the territorial dispute between the two nations remains unresolved." *Japan Times*, 5 February 1991, p. 1; Anthony Rowley, "Japan Doubts over Gorbachev's Rapprochement: Islands of Uncertainty," *Far Eastern Economic Review* 151: 8 (1991), p. 11.
- 22 This is evidenced by the continual stream of official Japanese delegations to Sakhalin to discuss the Northern Territories dispute and gauge local public opinion, which is testimony to Japanese recognition of the salience of the "Sakhalin factor."
- 23 Fedorov joined the party after he left Sakhalin and became a Deputy Minister of Economics in the Russian government. "Narodno patrioticheskaia partiia: Lider-Anatolii Gil'," <http://www.panorama.ru:8105/works/vybory/party/afgan.html>, accessed 16 January 2001.
- 24 Zinberg, "Subnational Diplomacy," p. 91.
- 25 *Hokkaidô Shimbun*, 18 March 1993, p. 5.
- 26 *Sovetskii Sakhalin*, 8 March 1990, p. 1, and 21 March 1990, p.1, cited in Iakov Zinberg, "Fyôdorofu no Kokusai Seiji ni okeru Hanran to sono Genryû: Fyôdorofu no Saharishû Chiji Shûnin o megutte (2) [Rebellion and Its Origin in Fedorov's International Politics: About Fedorov's Taking Office as Governor of Sakhalin Oblast (2)]," *Byuretin* 21 (1992), p. 10. See also *Hokkaidô Shimbun*, 1 April 1992, p. 5.
- 27 It must be pointed out that according to Russian electoral laws, candidates need to obtain more than 50% of the vote to be elected to the Russian Congress of People's Deputies. Zinberg gives Fedorov's total vote in the run-off as being only 47.78%, which is just short of an absolute majority. If Zinberg's figures are correct, Fedorov's election to the Congress represents an exception to Russian electoral laws. *Sovetskii Sakhalin*, 22 March 1990, p. 1, cited in Zinberg, "Fyôdorofu no Kokusai Seiji (2)," p. 10. Fedorov's seat in the Congress can be confirmed by examining an official list of RSFSR People's Deputies. See *Spisok narodnykh deputatov*, p. 97.
- 28 *Sovetskii Sakhalin*, 14 March 1990, p. 1, cited in Zinberg, "Fyôdorofu no Kokusai Seiji (2)," p. 10.
- 29 Zinberg, "Fyôdorofu no Kokusai Seiji (2)," p. 12.
- 30 William Nimmo, *Japan and Russia: A Reevaluation in the Post-Soviet Era* (Westport, 1994), p. 171. Fedorov returned to Moscow and served a brief stint as a Deputy Minister of Economics until 1994. He then became Vice President of the Russian Union of Industrialists and Employers and then returned to Sakha, becoming Prime Minister where he continued to be a headache for central officials, calling for a picket of government buildings in Moscow to protest an economic blockade against the Republic in 1997.
- 31 TASS, 12 April 1993.
- 32 Tsuyoshi Hasegawa, *The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations, Volume 2: Neither War nor Peace, 1985-1998* (Berkeley, 1998), p. 493.
- 33 *Hokkaidô Shimbun*, 29 January 1994, p. 5; *Interfax*, 28 January 1994; FBIS/SOV, 94/20, 31 January 1994, p. 38.
- 34 *Segodnia*, 6 September 1994, p. 3, cited in Richard Wade, "Regionalism and the Russian Federation: The Far Eastern Perspective," in Vladimir Tikhomirov, ed., *In Search of Identity: Five Years Since the Fall of the Soviet Union* (Melbourne, 1996), p. 55.
- 35 Nazdratenko stated that such a move would also serve to strengthen Russia's position in the Asia-Pacific region. *Sovetskii Sakhalin*, 12 August 1994, p. 1.
- 36 TASS, 5 September 1994; FBIS/SOV, 94/173, 7 September 1994, pp. 37-38.
- 37 *Izvestiia*, 13 August 1994, p. 2.
- 38 V. Venevstev and D. Demkin, "Zachem 'vozdelyvat' Kuril'skuiu griadu?" *Vladivostok*, 15 September 1994, p. 4, cited in Peter Kirkow, "Regional Warlordism in Russia: The Case of Primorskii Krai," *Europe-Asia Studies* 47:6 (1995), p. 935. The former head of the Russian secret service, Sergei Stepashin, mentioned the possibility of an administrative merger of Sakhalin oblast and the Kuril Islands with Primorskii krai at a meeting with entrepreneurs in Nakhodka in June 1994. *Rossiskaia gazeta*, 1 October 1994, p. 2, cited in Kirkow, "Regional Warlordism in Russia," p. 934.
- 39 See Nakamura Itsurô, "Saharin to Minami Kuriru Chiku no Jichi Seido [The Local Government System in Sakhalin and the South Kuril District]," *Surabu Kenkyû* 45 (1998).
- 40 *Saharin to Nihon* 37 (1995), p. 1.
- 41 Igor Farkhutdinov and a number of officials from the regional administration were tragically killed when the helicopter in which they were riding crashed while flying to the Kuril Islands from the Kamchatka Peninsula in August 2003. In the second round of gubernatorial elections held on 21 December to determine Farkhutdinov's successor, former Sakhalin vice-governor Ivan Malakhov received just over 53% of the vote to defeat Iuzhno-Sakhalinsk mayor Fedor Sidorenko who was preferred by about 34% of voters. Andrei Borodianskii, "Vtoroi tur

- v pol'zu 'Edinoi Rossii:' vybory glav chetyrekh regionov vyigrala partiia vlasti," *Nezavisimaia gazeta*, 23 December 2003, http://www.ng.ru/regions/2003-12-23/4_er.html, accessed 23 December 2003.
- 42 *Hokkaidô Shimbun*, 8 May 1995, p. 4.
- 43 Ibid. Farkhutdinov preferred joint development of the islands to Japanese government assistance in the wake of the October 1994 earthquake.
- 44 *Hokkaidô Shimbun*, 19 October 1996, p. 5.
- 45 Ibid.
- 46 Robert W. Orttung et al., eds., *The Republics and Regions of the Russian Federation: A Guide to Politics, Policies, and Leaders* (Armonk, NY, and London, 2000), p. 479.
- 47 *Saharin to Nihon* 77 (1996), p. 1.
- 48 *Hokkaidô Shimbun*, 25 October 1996, p. 3.
- 49 Steven Solnick, "Russian Regional Politics and the 'Northern Territories'," paper presented for an international symposium, Miyazaki-Tokyo, November 1999, p. 3.
- 50 *Nezavisimaia gazeta*, 24 October 2000, p. 2.
- 51 See, for instance, G.B. Borovskoi, *Otnoshenie zhitelei Sakhalinskoi oblasti k Iaponii* 6 (Iuzhno-Sakhalinsk, 1995), p. 24; *Svobodnyi Sakhalin*, 7 May 1998, p. 1; *Iuzhno-Sakhalinskaia gazeta*, 13 July 2001, cited in *Saharin to Nihon* 237 (2001), p. 4.
- 52 "Parliamentary Hearing: Do Not Return Kurils to Japan," *The Sakhalin Times*, 11 October 2001, <http://www.sakhalintimes.com>, accessed 11 October 2001.
- 53 Sakhalinskaia oblastnaia дума, "Ustav Sakhalinskoi oblasti," <http://www.duma.Sakhalin.ru/Russian/Ustav.html>, accessed 13 March 2003; V.K. Zilanov, A.A. Koshkin, I.A. Latyshev, A.Iu. Plotnikov and I.A. Senchenko, *Russkie Kurily: Istoriia i Sovremennost'* (Moscow, 2002), pp. 184-241.
- 54 See Brad Williams, "The Criminalisation of Russo-Japanese Border Trade: Causes and Consequences," *Europe-Asia Studies* 55:5 (2003).
- 55 Solnick, "Russian Regional Politics," p. 4. Similarly, regional authorities in Primorskii krai, in particular, have campaigned against demarcation of the eastern Russo-Chinese border in order to attract subsidies from Moscow. It should also be noted that some Japanese observers believe Sakhalin has also sought to use the territorial dispute to extract economic aid and cooperation from Japan. See *Hokkaidô Shimbun*, 8 November 1998, p. 1.
- 56 Peter Kirkow, *Russia's Provinces: Authoritarian Transformation versus Local Autonomy?* (London, 1998), p. 63.
- 57 Orttung et al., *The Republics and Regions*, p. 481; *Kyodo*, 23 July 1996.
- 58 Arai, "Biza-nashi Kôryû," p. 51.
- 59 *Sovetskii Sakhalin*, 2 April 1998, p. 1; *Gubernskie vedomosti*, 2 April 1998, p. 1.
- 60 Arai, "Biza-nashi Kôryû," p. 51.
- 61 Solnick, "Russian Regional Politics," p. 4.
- 62 Floriano Fossato, "Sakhalin: Waiting for Oil but Patience Running Out," *RFE/RL Newslines* (1998), <http://rferl.org/newslines>, accessed 20 August 2001.
- 63 Hiroshi Kimura, *Islands or Security? Japanese-Soviet Relations Under Brezhnev and Andropov* (Kyoto, 1998), pp. 19-20.

ОТКРЫТИЕ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: НАРОДЫ, РЕГИОНЫ, ВЛАСТЬ

РУСТЕМ ЦИУНЧУК

В российской и особенно советской исторической литературе созданную в 1906 г. Государственную думу традиционно рассматривали только как арену противостояния классов и партий, нередко забывая, что она стала первым местом, где в качестве законодателей впервые встретились выборные представители почти всех народов и регионов Российской империи. Даже в многочисленных дореволюционных работах о I Думе (в основном, правда, публицистических и нередко с элементами мемуаристики) непосредственно национальной проблеме в первом россий-

ском парламенте посвящено всего две статьи, которые вышли из-под пера самих думских депутатов, наиболее активно выступавших по этому вопросу.¹ В опубликованных позднее исследованиях и сборниках, в которых были собраны материалы о развитии отдельных национальных движений в начале XX в., также не давалась обобщающая картина обсуждения этноконфессиональных проблем в Думе.² Участники и свидетели церемонии открытия Думы и начала ее деятельности в своих воспоминаниях обращали внимание прежде всего на разнообразие национальных

костюмов депутатов, но не ставили перед собой цели показать российский парламент с этноконфессиональной точки зрения.

Поскольку советские обществоведы вслед за большевиками расценивали Думу как второстепенную арену классовой и политической борьбы, не удивительно, что национальный вопрос в ней оказался на далекой периферии интересов историков, тем более что его главными проводниками выступали партии, официально признанные «контрреволюционными» и «соглашательскими». С 1960-1970-х гг. в Советском Союзе начали появляться статьи, посвященные думской тактике большевиков, представителей некоторых многонациональных регионов. Одновременно деятельность отдельных национальных фракций, в основном представлявших западные окраины империи, становится предметом интереса зарубежных специалистов.³ В 1990-е годы внимание исследователей новых государств на территории бывшего Советского Союза привлекает проблема думского представительства от этих регионов.⁴ В России наиболее обстоятельно сегодня разрабатываются проблемы истории двух думских фракций – мусульманской как этноконфессиональной⁵ и казачьей как этносословной.⁶ При этом опыт законоотворчества по национальному вопросу исследуется на материалах Думы как дореволюционного, так и современного периода.⁷

Задача настоящего сообщения состоит в том, чтобы показать, что первая Государственная дума многонациональной Российской империи приобрела этноконфессиональное и региональное измерения уже в начале своей деятельности, вычленив требования по национальному вопросу и проанализировать шаги национальных представителей в ее составе, наконец, показать реакцию на эти выступления власти и думского большинства.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Еще в период подготовки правительственных законопроектов о Думе и Государственном совете в октябре 1905 г. их главный разработчик, С.Е. Крыжановский, высказывал опасения относительно нежелательно, как ему казалось, весомого пар-

ламентского представительства «иностранцев». «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34%...», – писал он председателю Особого совещания графу Д.М. Сольскому. – Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одним держатся и сила государственной власти, и самый престол российских государей, безусловно господствовал в законосовещательных учреждениях... В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство».⁸ В результате Особое совещание графа Сольского решило устранить от участия в выборах «бродячих инородцев», а в Думу избирать только лиц, знающих русский язык.⁹

Вопрос об избирательных округах, их территории, плотности населения и этно-конфессиональном и социальном составе стал ключевым в политической географии выборов и способ, избранный властью для его решения, несколько переоформил политическое пространство империи. В окраинных национальных регионах были созданы отдельные избирательные округа: территориально-этнические (для «иностранцев» Казахстана, Средней Азии, Астраханской и Ставропольской губерний и Забайкалья), территориально-конфессиональные (для православного населения Люблинской и Седлецкой губерний Царства Польского) и территориально-сословные (для казаков).

На запаздывание власти в конструировании избирательной системы и ее стремление манипулировать с представительством окраин указывает и принятие «вдогонку» – в течение девяти месяцев 1905-1906 г. – девяти региональных правил о выборах в Польшу, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Степном крае и Туркестане. Последние из этих правил были обнародованы лишь за несколько дней до открытия Думы – 22 апреля 1906 г. Для перечисленных регионов были введены более низкие нормы представительства – один депутат от 350 тыс. жителей и более при норме представительства от центральных губерний в 250 тыс.

В реальности эти нормы могли разниться и кратно. Так, если в Олонецкой губернии один депутат избирался от 121,3 тыс. человек, то в Ферганской области – от 786,1 тыс. Региональная асимметрия избирательной системы была еще более заметна по городским округам. Первоначально право отдельных выборов депутатов получили 19 городов империи с числом жителей более 100 тысяч, однако две трети из них (Варшава, Одесса, Лодзь, Рига, Киев, Харьков, Тифлис, Ташкент, Вильно, Казань, Екатеринослав, Баку и Кишинев, всего – 13) отличались многонациональным составом населения. Выход был найден в том, чтобы увеличить этот список до 26-ти, что позволило включить в него «некоторые чисто русские города, близко подходящие по численности к помещенным в этом списке».¹⁰ Отбор этих городов был весьма произвольным. Так, из числа городов, численность жителей которых была выше, чем в получившем отдельное представительство Орле (69,7 тыс.), не получили права избирать своего депутата многонациональные Минск, Николаев, Коканд, Оренбург и Ковно. Самая высокая в империи норма представительства оказалась у Иркутска (51 тыс.), а самая низкая – у Одессы (403,8 тыс. на одного депутата). Заниженную почти вдвое норму представительства, или более 200 тыс. жителей на одного депутата, получили Рига, Киев, Москва и Петербург, а Варшава и Лодзь – втрое.

ВЛАСТЬ И НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Созданная бюрократией система социальной и этнополитической фильтрации выборщиков и кандидатов в депутаты оказалась, однако, недостаточно эффективной. «Результаты выборов в первую Государственную думу были почти для всех полною неожиданностью»,¹¹ – отмечал видный социал-демократ Ф.И. Дан. В Думу оказались избраны представители 24 народов общим числом почти в 200 человек, что составляло свыше 40% всего депутатского корпуса. Среди избранных оказалось 62 украинца, 51 поляк, 13 евреев, 12 белорусов, 10 литовцев, по 7 татар и грузин и т.д.¹² Почти все нерусские депутаты были настроены оппозиционно к власти и политически располагались

левее центра. Имея такой состав, Дума неизбежно должна была обратиться к решению одной из самых острых проблем российской действительности начала XX в. – к вопросу переустройства национальной жизни.

Уже само официальное открытие Думы 27 апреля 1906 г. символизировало появление на российской политической авансцене новых фигур, которые представляли различные политические течения и национальные группы. Последовав примеру германского императора, царь решил принять депутатов в Тронном зале своего (Зимнего) дворца.¹³ Центральной фигурой церемонии, безусловно, являлся сам император, заглавные роли в ней играли высшие представители церкви (митрополит Антоний) и двора (министр барон В.Б. Фредерикс), среди рядовых участников была широко представлена традиционная имперская элита. Но самыми заметными оказались не они, а новые люди, пришедшие во власть, – депутаты, избранные практически от всех регионов многонациональной империи, которые принесли с собой новые образы и стили поведения. Присутствовавший в зале барон Н.Н. Врангель так описывал увиденное: «Какая смесь одежды и лиц. Поляки в кунтушах, восточные халаты и чалмы, священники, каких в городах не видать, дерзкие развязные волостные писари из разночинцев, сельские учителя, самоуверенные интеллигенты; крестьяне, удивленные сами видеть себя в роли законодателей... Многие депутаты явились демонстративно одетые в затрапезные платья».¹⁴

Костромской депутат адвокат Н.А. Огородников оставил следующие зарисовки с натуры: «Красивым национальным мазурским костюмом и своей сильной фигурой обращает на себя общее внимание молодой люблинский депутат И.М. Наконечный. Значительное количество крестьянских депутатов в малорусских свитках и в русском национальном платье... Небольшие группы православного духовенства с производящим впечатление силы и мужественности молодым депутатом от Донской области о. Клавдием Афанасьевым впереди и католического духовенства во главе с виленским депутатом епископом бар. Роппом в живописной малиновой сутане, с его тонким

умным лицом аскета и всегда как бы прищуренными пронизательными глазами».¹⁵

Министра В.Н. Коковцова поразил человек «высокого роста в рабочей блузе, в высоких смазных сапогах, с насмешливым и наглым видом рассматривавший трон и всех, кто окружал его», и слушавший царскую речь с «презрением и злобой». Им оказался волостной писарь от Ставропольской губернии Ф.М. Оникко. П.А. Столыпин, тоже обративший внимание на Оникко, заметил В.Н. Коковцову: «Нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастья?».¹⁶ Внешность и поведение «новых людей», пришедших во власть, были восприняты при дворе как вызов. По свидетельству того же барона Врангеля, императрица, «повясенная подобными выходками, не сдержала слез, а Николай II, не сдержав гнева, заявил: “Я им этого никогда не забуду!”».¹⁷

Стало ясно, что эти, впервые избранные народные представители, пришли в Таврический дворец вовсе не для того, чтобы разнообразить вид придворных своим присутствием, а с намерением переустроить страну, изменить существующие порядки, реализовать свои предвыборные программы и обещания. Другой участник описанной церемонии, будущий министр иностранных дел А.П. Извольский, в этой связи отметил: «Россия вчерашнего дня лицом к лицу стояла с грядущей Россией. Какой результат последует от этой встречи?».¹⁸

Выступление Николая II было кратким. Назвав выборных «лучшими людьми» от «возлюбленных подданных», он заявил, что «всевышним промыслом врученное мне попечение о благе отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа», и указал, что «для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода – необходим порядок на основе права».¹⁹ Упомянуть о национальных, религиозных и региональных проблемах император, таким образом, счел излишним.

Первая демонстрация позиций сторон по проблемам национальных, религиозных и региональных отношений в империи произошла уже в «дебюте» работы Думы, 27 апреля 1906 г. Впоследствии эти проблемы явились пово-

дом для острого политического противоборства и стали фактором идеологического и партийно-политического размежевания в Думе. Открывая по заданию императора заседания парламента и обращаясь к «избранникам русского народа», статс-секретарь Э.В. Фриш, «небольшого роста, седой как лунь старик в блеске своих лент и орденов»,²⁰ подчеркнул, что «господа депутаты» «поставлены в полную возможность дружно работать» законом об учреждении Государственной думы и «всемиловитейшим государем нашим». «Да воодушевит вас Господь истинною любовью к русскому народу, дабы сердца вашими познать все многообразные нужды обширной нашей родины»,²¹ – заявил он в заключении. Так в Думе были оглашены фундаментальные составляющие государственной идеологической конструкции – государь, Бог, Родина, русский народ.

Подобная формулировка была близка официальной терминологии конца XIX в. и, как видим, не содержала в себе даже упоминания об этноконфессиональных проблемах, наличие которых было отчасти признано еще императорским указом 12 декабря 1904 г., и соответствующей терминологии: терпимости в делах веры, устранения стеснений в религиозном быту, отмену ограничений прав «инородцев» и уроженцев отдельных местностей империи.²² Царской бюрократии казалось, что в интересах сохранения империи лишний раз указывать на эти острые проблемы не следует. Если они Фришем и подразумевались, то только в контексте упомянутых традиционных формулировок – «русский народ» (единая нация, состоящая из великороссов, малороссов и белорусов) и «обширная родина» (общее имперское пространство), имеющая некие «многообразные нужды» – возможно, региональные.

В комиссию для выборов председателя Думы были избраны известные общественные деятели, представлявшие элиты разных народов и регионов: князь Д.И. Шаховской, В.Д. Кузьмин-Караваев, граф П.А. Гейден, В.Д. Набоков (Ярославская, Тверская, Псковская губернии и Петербург), епископ барон Э. фон-дер-Ропп и князь И. Друцкой-Любецкой (Виленская и Минская губернии). Председателем Думы оказался избран деятель земского движения и видный

представитель кадетской партии, профессор права Московского университета С.А. Муромцев. По мнению современников, «едва ли можно было найти более подходящего человека для этой роли».²³

ПРИВЕТСТВИЯ ДУМЕ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Следующее заседание Думы 29 апреля 1906 г. началось с чтения поздравительных и приветственных телеграмм, в которых ярко отразились национальные, конфессиональные и региональные процессы и проблемы как собственно российские, так и международные. Анализ состава и содержания приветствий первой Государственной думе позволяет выявить тенденции в восприятии первого общеимперского представительного органа внутри России и за ее пределами, обозначить страны, общественность которых солидаризировалась с депутатами российского парламента, выявить этноконфессиональные силы, общественные слои и группы различных регионов России, которые делегировали свои интересы депутатам и возлагали на Думу определенные ожидания.

Первым прозвучало переведенное на русский язык приветствие финляндского Сейма, в оригинале написанное на финском и шведском языках: «За многовековую жизнь... финский народ научился понимать значение права через своих представителей участвовать в законодательстве... Светлое будущее, открывающееся для великой русской земли, вызывает в нашем народе чувство искренней радости; вместе с тем, финский народ видит в этом будущем, при возрастающих взаимнодобрых отношениях с русским народом, верный залог успеха и в собственных трудах, направленных на пользу его дорогого отечества, соединенного с Россией под одним скипетром».²⁴ В документе подчеркивался особый статус Финляндии и ее собственный политический опыт. Приветствие подразумевало, что финны не входят в состав русского народа и Финляндия связана с Россией только единым скипетром как символом общей монархической власти. Становилось очевидным, что финляндский Сейм не воспользуется возможностью для представительства Финляндии в

общеимперском парламенте. Фактически финляндское приветствие прозвучало как иностранное и открыло чтение телеграмм, полученных из-за рубежа.²⁵

«326 членов старейшего парламента в свете приветствуют членов самого юного русского парламента и надеются встретиться с его представителями в имеющей состояться Междупарламентской конференции в Вестминстерском дворце»,²⁶ – телеграфировали из Лондона. Саратовский трудовик И.В. Жилкин, выступая в поддержку идеи такой конференции, ожидал от нее «мирного разрешения» международных конфликтов, ослабления «различных поводов ненависти одного народа к другому..., когда представители всех национальностей подадут друг другу руки..., когда будут придавать значение... дружескому союзу народных представителей».²⁷ Для участия в Междупарламентской конференции были избраны шестеро депутатов преимущественно из национальных регионов.²⁸

В ряде других приветствий Думе, полученных из-за рубежа (от черногорского князя Николая, Пражской городской думы, Чешского народного Совета в той же Праге, от Общества сербских журналистов, Плевненской демократической организации, Славянского общества болгар, Словенского союза державного сбора и от Съезда мужей доверия русско-народной партии во Львове²⁹), акцентировалась панславянская идея, популярная в странах Восточной Европы, и звучали термины «славянство», «славянский мир», «великая славянская семья», «покровительница славянства», «святая Русь» и т.д. С началом политической модернизации Российской империи славянские народы, входившие в состав Германской и Австро-Венгерской империй, воспринимали обновленную Россию как фактор славянского возрождения и противовеса пангерманской опасности. Теперь славянская идея могла наполниться новым политическим содержанием. Нужно отметить, что опыт этих народов, представители которых участвовали в работе имперских и региональных парламентских учреждений, также мог быть полезен российским перводумцам. Наиболее наглядно это продемонстрировали польские депутаты, позаимствовавшие из австро-венгерс-

кого и германского парламентов как организацию парламентской деятельности, так и само название своей фракции – Коюо.

Идея христианской общности и связи с Россией звучала в приветствии армянского католикоса, который в «день вступления великой России в семью конституционных государств молитвенно приветствовал Государственную думу от имени своего и церкви и всего народа армянского, неразрывными узами связавших свою судьбу с великим русским народом».³⁰

Огромное количество приветствий Думе и ее депутатам пришло со всех концов России, что одновременно являлось как свидетельством ее (Думы) политической поддержки, так и знаком общественных надежд. География приветствий отражала этнополитическую ситуацию в регионах империи. Продолжая заседание 29 апреля 1906 г., председатель Думы Муромцев заявил, что он зачитает приветствия «от трех главных городов России», которыми оказались обращения, полученные из Москвы, Киева и Одессы (хотя обыкновенно такими городами считались Петербург, Москва и Киев). В телеграмме Московской городской думы говорилось, что «древняя Москва... полна веры, что великий подвиг, принятый на себя представителями народа, одухотворенный горячей любовью к России, внесет в страну мир и будет оплотом торжества законности и свободной гражданственности». Традиционалистски и помпезно звучало приветствие из Киева: «Граждане древней столицы Русской земли, молитвенно призвав Божие благословение, приветствуют Государственную думу с началом ее деятельности и шлют горячие пожелания плодотворной работы в выполнении великих задач, на нее возложенных, на благо и процветание русского государства».³¹ В то время, когда Москва и Киев подчеркивали свою древность, причем киевляне выделяли как главные задачи благо и процветание государства, Одесская городская дума фактически солидаризировалась с оппозицией и желала народным избранникам «сил и крепости для осуществления заветных стремлений народа», надеясь, что «семена, брошенные на ниву освобождения страдальцами и мучениками за благо народа, будут взлелеяны и с непоколеби-

мой твердостью возвращены на счастье и процветание родины».³²

Чтением поздравлений сопровождалось еще несколько последующих заседаний Государственной думы, что придавало им не только торжественность, но и вносило свою лепту в политическую самоидентификацию депутатов, помогало им консолидироваться вокруг пожеланий и требований, которые звучали в приветствиях. Сообщения о торжественном оглашении в Думе этих посланий быстро доходили до губерний, городов и сел и способствовали как распространению передовых идей на местах, так и развитию местной политической жизни, налаживанию контактов с Думой. Так с первых дней своей работы Дума способствовала консолидации и оглашению национальных и региональных интересов.

Дума получила приветствия от высших учебных заведений: Московского, Казанского, Новороссийского, Петербургского, Харьковского и Киевского университетов, Лазаревского института восточных языков, Московского технического училища, Московских высших женских курсов, Киевского политического института, Военно-медицинской академии, Томского технологического института. Немалая часть депутатов окончила эти высшие учебные заведения, поэтому их обращения были встречены ими с особым удовлетворением.

В течение первых же дней своей работы Дума получила свыше 650 посланий, среди которых было много телеграмм и писем от городских дум, губернских и уездных земств, от национальных и религиозных объединений, местных комитетов политических партий, от организаций и союзов и просто групп граждан. В этой активности проявился рост политической инициативы общественности. В самих приветствиях были сформулированы ожидания избирателей большинства регионов империи, в том числе национальных – Украины и Белоруссии, Поволжья и Северного Кавказа; заметно меньше обращений было получено из Прибалтики, с Кавказа, из Средней Азии и Польши. Свои приветствия Думе направляли жители многонациональных городов восточной части империи – Асхабада, Семипалатинска, Белебея и др.

В подавляющем большинстве посланий получили отражение общеполитические и социальные проблемы России. Наибольшее число партийных приветствий было получено от местных комитетов партии Народной свободы, несколько телеграмм направили местные отделы Союза 17 октября, а также близкие им немецкая Прибалтийская конституционная партия, Конституционно-демократическая партия грузинских автономистов, Польский прогрессивно-демократический союз и ряд местных отделов Союза для достижения полноправия евреев в России. Почти треть приветствий составили телеграммы и письма от еврейских общин и обществ западных губерний и Бессарабии – городов Брест-Литовска, Пружан, Екатеринослава, Бобруйска, Киева, Гомеля, Несвижа, Бендер, Херсона и др., а также от Владимирской городской еврейской общины, Сибирского и Новгородского еврейских обществ.³³

Кроме того в адрес Думы поступило свыше сорока поздравительных обращений от различных религиозных объединений,³⁴ особенно православного духовенства и верующих – от хоругвеносцев астраханского Успенского собора, съезда духовенства Ставропольской епархии, духовенства 3-го округа Сызранского уезда Симбирской епархии, духовенства Астрахани, Семипалатинска, прихода села Мармыжей, от столичных псаломщиков, студентов Киевской духовной академии, группы московских псаломщиков, Романовского церковно-приходского общества, русских людей г. Холма Люблинской губернии. Большинство этих обращений подчеркивало роль православной церкви в государстве. Православные г. Холма высказывали удовлетворение в связи с созданием для них отдельного избирательного округа.

Семь приветствий было получено от мусульман-жителей разных волостей и уездов Казанской и Уфимской губерний и мусульманского населения Астрахани, Семипалатинска и Баку. Думу приветствовали Всероссийский съезд представителей старообрядческих обществ и Екатеринбургское и Егорьевское старообрядческие общества. Два обращения направили молокане (из Саратовской губ. и Владикавказа), по одному – буддисты Забайкальской области, поляки Владивостока и армяне Харькова.

Обращения представителей инославных и иноверных конфессий заострили внимание депутатов на фактах национально-религиозного неравенства и свидетельствовали о надеждах части национальной общественности на возможность разрешить эти вопросы парламентским путем. Количество таких обращений отражало как остроту этноконфессиональных проблем в национальных регионах, так и, в немалой мере, степень политической организованности и мобилизации национальных групп избирателей.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АМНИСТИИ

О политических репрессиях, тюрьме и ссылке не понаслышке знали многие десятки членов I Думы, сами подвергавшиеся политическим преследованиям. Так, харьковский профессор Н.А. Гредескул, саратовский учитель Г.К. Ульянов, симбирский крестьянин А.П. Андреянов, кутаисский педагог И.И. Рамишвили, семипалатинский агроном А.Н. Букейханов были освобождены из-под ареста лишь благодаря их избранию в Думу.³⁵ Вопрос об амнистии поставил при открытии Думы один из лидеров кадетов И.И. Петрункевич. На втором заседании 29 апреля «первый тенор партии Народной свободы» Ф.И. Родичев предложил включить в думский адрес императору «указание на безусловную необходимость объявления ныне же полной амнистии по всем делам религиозным, аграрным и политическим».³⁶ Как видим, вопрос об амнистии по религиозным делам был поставлен кадетами на первое место.

По просьбе депутатов Думы были зачитаны и встречены аплодисментами телеграммы от политических заключенных Читинской и Новозыбковской (Черниговской губ.) тюрем, от политических ссыльных Каргополя (Олонецкой губ.) и родственников «административных политических заключенных» села Андрияшевки Полтавской губернии.³⁷ Проблема амнистии имела важное значение для национальных регионов. При обсуждении этого вопроса выступили депутаты от Поволжья (Аникин, Жилкин, Аладьин, Ершов – Саратовская, Симбирская, Казанская губернии), Украины (Заболотный, Михайличенко – Подольская, Екатеринославская губернии; Гредескул – Харьков), Польши (Но-

водворский – Варшава), Европейской России (Галецкий, Шапошников – Архангельская, Курская губернии), Приуралья (Седельников, Антонов – Оренбургская, Пермская губернии). Украинский депутат-трудовик И.К. Заболотный предложил приостановить исполнение казней до выработки и издания закона об отмене этой меры наказания. Депутат от Варшавы адвокат Ф. Новодворский, начав свою речь словами: «Граждане! Представители граждан всего государства!», обратил внимание на выступления депутатов разных губерний, в которых, по его словам, были «волны слез, волны крови, вихри воплей человеческих, которые полились со всех сторон всего государства в этот зал». Царство Польское, отметил он, слышит их так же много, поскольку «там военное положение почти сплошь существует столь долгие годы».³⁸ Выступление Новодворского отражало мнение той части польского национально-го движения, которая видела решение польской проблемы в контексте широкой демократизации всего Российского государства и рассчитывала на сотрудничество с российскими либеральными партиями.

Журналист Т.И. Седельников (Оренбургская губ.), поддерживая идею амнистии, обратил внимание Думы на «казачий вопрос», который остро проявился в период революции 1905 г. Депутат осудил существующий строй, который «вооружал одни слои населения против других, и наше казачество оказалось одним из таких слоев, которое, являясь верноподданным своему монарху, оказалось врагом своему народу». Он предложил сделать так, чтобы казаки стали обычными гражданами, и чтобы «не было братоубийственного сословия казачьего, как сословия военного, отделенного китайской стеной от остальных», а все казаки, несущие внутреннюю службу, вернулись домой.³⁹ Так «казачий вопрос» прозвучал в думских стенах раньше других этноконфессиональных и региональных проблем. Однако, как показали последующие события, эта речь трудовика Седельникова вызвала недовольство «истинных казаков» – он стал получать от них угрозы и настойчивые предложения «добровольно» сложить с себя звание члена Думы.⁴⁰

Депутаты единогласно приняли ре-

шение, во-первых, «не предрешая содержания адреса, возложить на комиссию непрременную обязанность объявления ныне же полной амнистии по всем делам религиозным, аграрным, политическим» и, во-вторых, «внести указание на безусловную необходимость ныне же приостановки смертной казни по всем делам..., пока не будет окончательно и раз навсегда отменена смертная казнь в России».⁴¹ Так уже в первые дни работы Думы в борьбе за амнистию проявилась острота национальных проблем империи.

ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФРАКЦИЙ

Национальные депутаты приняли участие не только в формулировке проблематики думских дебатов, но и определили некоторые тенденции думского фракционного строительства. Депутат-публицист В.П. Обнинский в этой связи писал: «Съехавшись в числе пятисот почти человек..., депутаты должны были в первый же день заметить, что вот там сидит «польское Кою», рядом с ним – литовские депутаты, украинцы теснятся к южанам, тибетейки татар виднеются рядом с характерными профилями представителей восточной окраины, чернокудрые кавказцы плотно засели на крайней левой, и, наконец, обширный центр России, с ее двумя столицами, занял и здесь всю середину залы. Настоящая этнографическая карта России!... Это был вид имперского парламента автономно-конституционного государства; здесь, кроме общегосударственного дела и даже доминируя над ним, хотя пока и в скрытой форме, владели умами интересы местные, областные, национальные... Потом, когда разместились по партиям, эта группировка совершенно нарушилась, но первое впечатление не могло изгладиться».⁴²

Одна группа национальных депутатов, прошедшая в Думу под национальными партийными лозунгами, сразу же конституировалась в отдельные национальные фракции в соответствии с тактическими установками своих партий (например, польское Кою). Другая хотя в ходе думского процесса и формулировала национальные, религиозные и региональные требования, поначалу находилась в составе фрак-

ций общероссийских политических партий и лишь со временем образовала собственные думские национальные (региональные или конфессиональные) объединения, примыкавшие по большинству вопросов к общероссийским партиям (таковы мусульманская фракция и казачья группа). Третья группа национальных депутатов, которая лишь время от времени поднимала национально-конфессиональные и региональные вопросы, рассматривая их при этом как подчиненные общим социально-политическим проблемам, входила в состав думских фракций крупных общероссийских партий (это – грузинские, эстонские и другие депутаты). Поскольку в большинстве депутатских группировок существовала возможность двойного членства, некоторые депутаты примыкали к разным фракциям, практиковался и их переход из одной фракции в другую. В связи с этим численность фракций, в том числе национальных, была непостоянной, на что в свое время обратил внимание депутат I Думы и один из ее первых историков Н.А. Бородин.⁴³

Первой национальной фракцией, организованной еще до открытия заседаний Думы, стало польское Кою, абсолютное большинство членов которого составили депутаты от Национально-демократической партии. К 30 мая 1906 г. эта фракция насчитывала 33 члена, председателем ее бюро был избран Я. Гарусевич, а секретарем – Ф. Новодворский.⁴⁴

Стремясь объединиться для совместного выдвижения национально-конфессиональных и региональных требований и рассчитывая на консолидированную законодательную деятельность, направленную на установление национально-религиозного равноправия и достижение национального самоуправления, национальные депутаты создали в I Думе особую фракцию – Союз автономистов. Руководителем автономистов-федералистов стал известный московский адвокат, деятель польского движения в России, один из организаторов польского Прогрессивно-демократического союза минский депутат А.Р. Ледницкий, член ЦК партии кадетов. К началу июля 1906 г. группа насчитывала около 120 членов, из которых 63 были автономистами, причем не входившими в состав других думских фрак-

ций.⁴⁵ К середине мая в этой группировке были представлены: польское Кою (31 депутат), группа северо-западных и юго-западных окраин (12), литовский кружок (5), украинские демократы (5), латышские национал-демократы (5), казачья группа (1) и мусульмане (3 депутата).⁴⁶ Позднее численность членов многих национальных групп увеличилась. Так, после выборов на восточных окраинах империи количество депутатов-мусульман возросло до 25-ти, которые незадолго до роспуска Думы составили самостоятельную фракцию.⁴⁷ В первом ее собрании приняли участие 22 депутата, председателем фракции стал адвокат А.-М. Топчибашев (Баку), а секретарем – С.-Г.С. Джантюрин (Уфимская губ.); в бюро фракции вошло 7 человек.⁴⁸

Таким образом, в непродолжительный период перводумья в парламентской деятельности национальных депутатов проявилось несколько тенденций. С одной стороны, они стремились к образованию самостоятельных национальных групп, с другой – чувствовали потребность в консолидации с другими, нерусскими депутатами, а с третьей понимали необходимость блокироваться с крупными общероссийскими фракциями для проведения думских решений.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ ОТВЕТНОГО АДРЕСА ИМПЕРАТОРУ

Ответный адрес верховной власти должен был представлять собой декларацию о политических намерениях большинства первоизбранной Думы. При его обсуждении депутаты национальных регионов стремились заявить этноконфессиональные требования своих избирателей, сформулировать политические позиции и предложения в сфере национальных и религиозных отношений, донести до депутатов и всей страны личный политический опыт и оценки состояния межнациональных отношений в регионах Российской империи. Важно, что комиссия по выработке адреса, избранная 30 апреля 1906 г., оказалась многонациональной по составу. Среди 33-х ее членов были русские (в том числе И.И. Петрункевич, Ф.Ф. Кокошкин, В.Д. Набоков, Н.Н. Львов), поляки (Я. Стецкий, князь И.

Друцкой-Любецкой, граф В. Тышкевич), украинцы (Т.В. Локоть, Д.И. Назаренко, В.М. Шемет), евреи (М.М. Винавер, З.Г. Френкель, М.И. Шефтель), а также белорус Ф.Е. Буслов, литовец Л. Лопас, латыш Я. Чаксте, эстонец Я. Теннисон, башкир Ш.Ш. Сыртланов и мордвин С.В. Аникин.⁴⁹

Первым в Думе с изложением своей национальной программы выступило польское Кою. Как известно, польский вопрос как часть общероссийской проблемы «инородцев» занимал в ней особое место в силу целого ряда причин. В их числе был и сравнительно более высокий уровень социально-экономического и политического развития губерний бывшего Царства Польского, и сохранение исторических традиций самостоятельной польской государственности и борьбы поляков за восстановление своей автономии. 30 апреля 1906 г. на третьем заседании Думы врач Я. Гарусевич (Ломжинская губ.) вне очереди огласил заявление 27 польских депутатов и передал его в комиссию по составлению ответного адреса императору. В представленной одновременно записке польские депутаты аргументировали необходимость восстановления прав и автономии Польши исторически, политически и юридически и называли его «заветным требованием всего населения нашего края».⁵⁰ Они протестовали против политики упразднения польской автономии, которая проявилась в отмене польской конституции и самоуправления и в устранении самого названия «Царство Польское».

Еще накануне созыва Думы победившая на выборах в регионе польская Национально-демократическая партия специально подтвердила свои программные лозунги, среди которых значились: борьба за достижение автономии и введение законодательного сейма и органов местного самоуправления, полонизация местной администрации, школы, суда и городского самоуправления. Следуя этим программным положениям, польское Кою заявило, что устранение названия Царства Польского из новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г. является «попыткой изъять, по формальным основаниям, из обсуждения Государственной думы существенный и назревший вопрос о восстановлении надлежащих прав нашего края».⁵¹ Записка, как и после-

довавшее выступление Ф. Новодворского, отражала стремление большинства депутатов польских губерний совместно с представителями всех народов империи бороться в Государственной думе за свои права и «за общую свободу».⁵² Таким образом, наиболее крупная и организованная национальная фракция предлагала Думе обратиться к детальному рассмотрению национального вопроса, включая требование национальной автономии, сразу вслед за разрешением неотложных политических вопросов об амнистии и отмене смертной казни, введении гражданского равноправия и демократических свобод. Характерно, что декларация поляков вызвала неудовольствие кадетского руководства, особенно в связи с их ссылками на нормы международного права.⁵³

Ледницкий, выступая с первым программным заявлением автономистов, горячо и образно говорил о положении на национальных окраинах империи: о Царстве Польском, «задыхающемся в атмосфере пороха», о Грузии и Кавказе, «горы и долины которых увлажнены кровью и слезами», о Лифляндии, Эстляндии и Литве, «изнемогающих в тисках карательных отрядов», о «национально-обезличенной Украине», о Мусульманском съезде, поднимающем свой голос в защиту политических прав народов Востока России.⁵⁴ Этим же сюжетам было посвящена речь члена группы автономистов барона Роппа, который, по словам современников, также «являлся оратором первого ранга».⁵⁵ При обсуждении ответа на тронную речь и призывая депутатов к солидарности на основе общих религиозно-нравственных принципов, он говорил: «Бог с самого начала при сотворении мира дал миру конституцию... из 10 заповедей» и отмечал, что признает справедливыми «движения к равноправию и к сплоченности отдельных классов, точно так же, как и отдельных национальностей».⁵⁶ Другой автономист, латышский ксендз Франц Трасун, возвращаясь к вопросу об амнистии, рассказал о жестокостях карательных отрядов в Витебской губернии, откуда он был избран, где «кровью обливаются крестьяне». Он предложил включить в думский адрес требование «о немедленном отзывании всех карательных отрядов и об отмене военного положе-

ния».⁵⁷ Минский депутат-автономист князь И. Друцкой-Любецкой сообщил, что в его родном городе 17 октября пролились «потоки крови», а в губернии, как и во всем Северо-Западном крае, «применялись всякого рода исключительные меры..., водворилось полное царствование бюрократизма».⁵⁸ Профессор Е.Н. Шепкин (Одесса) заявил, что нельзя «допустить, чтобы все нерусские народности, входящие в состав Российской империи, продолжали жить под страхом погромов и карательных набегов».⁵⁹

При обсуждении адреса члены группы автономистов специально подчеркивали необходимость учета этноконфессиональных и региональных особенностей Российской империи. Депутат от Волыни Щ. Понятовский справедливо указывал: «Россия громадна; условия в ней – самые разнообразные; местные условия надо знать и изучить, нужно понять желания населения, издать законы, соответствующие этим желаниям».⁶⁰

Многие деятели национальных групп Думы рассчитывали на сотрудничество с общероссийскими оппозиционными силами для достижения национального равноправия и местного самоуправления. Ледницкий доказывал возможность и необходимость таких преобразований в интересах новой демократической государственности: «Справедливое стремление отдельных областей в предоставлении им полной свободы в организации самостоятельного народного быта, в организации его на началах автономии и автономного самоуправления... направлено не к подрыву основ русского государства, а... создает органическую и могущественную связь отдельных единиц в одно общее целое».⁶¹ Но решение национального вопроса посредством национально-территориальной автономии и самоуправления входило в противоречие с идеями государственности, понимаемыми по-имперски. На это расхождение обратил внимание саратовский депутат кадет С.А. Котляревский. «Самое роковое, – говорил он, – это утрата идеи государственности... Политическое прошлое скомпрометировало идею государственности, приучило к мысли, что от государства можно ждать только насилий и угнетений, что лишь на почве борьбы со всем государством, вопреки ему, можно чего-либо достиг-

нуть».⁶² В ходе дебатов историк кадет Н.И. Кареев предложил внести в адрес указание на то, что Россия населена разными народами, которые имеют «свои» территории и «свои» земли, но это предложение было отвергнуто Думой.⁶³ Сам же Кареев был убежден, что «Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу своего национального самоопределения».⁶⁴ Однако даже в глазах тех депутатов, которые причисляли себя к оппозиционно-демократическим фракциям, идея введения в России национальной автономии выглядела рискованной.

Ответный адрес, разработанный при ведущем участии кадетов, сформулировал национальный вопрос в весьма общих и умеренных выражениях. «Государственная дума считает, наконец, необходимым указать в числе неотложных задач своих и решение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей, – говорилось в нем. – Россия представляет собой государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племен и народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озабочена широким удовлетворением этих справедливых нужд».⁶⁵ Хотя в адресе отмечалось стремление депутатов добиваться отмены ограничений, связанных с национальным происхождением, сформировать государственный порядок, основанный на принципах мирного сожительства всех народностей и классов, а также введения всеобщих выборов в Думу, способы достижения этих целей так и не были указаны. Политику кадетского большинства, на которое национальные фракции возлагали большие надежды, позднее отчасти разъяснил П.Н. Милюков: «Вопросы национальные сами по себе грозили осложнить вопросы социальные и конституционные, составлявшие нашу главную задачу. Разница желаний и требований различных национальностей слилась бы в общие формулы: я уже понимал, что это есть способ к повышению требований наименее готовых к “автономии” народностей».⁶⁶

Таким образом, уже при открытии I Думы, которая оказалась многонацио-

нальной, со всей очевидностью проявились этноконфессиональные и региональные конфликты Российской империи. В ходе первых же думских дебатов были обозначены проблемы Польши, Кавказа, Прибалтики, Украины, Белоруссии и мусульманских регионов. Настроения и ожидания «иностранцев» проявились в их многочисленных обращениях в Думу, в первых же выступлениях с думской трибуны по национальному и вероисповедному вопросам, при обсуждении депутатами ответного адреса царю и вопроса об амнистии, в принципах формирования думских комиссий, наконец, в образовании национальных фракций и в том числе фракции автономистов, которые выступали за децентрализацию империи. Но властью все эти проблемы фактически были проигнорированы. Кадеты, которые обеспечили себе большинство депутатских мест в значительной мере благодаря голосам избирателей национальных окраин и выступлению в блоке с национальными организациями, не выставили национальные и региональные проблемы в качестве первоочередных.

Тем не менее, национальный вопрос оказался в числе важнейших и постоянно присутствовавших в парламентских прениях с первого и до последнего дня существования Государственной думы, тем самым обозначая одну из заметных линий все более усиливавшегося политического разлома самодержавной имперской системы. В 1916 г. в связи с десятилетием I Государственной думы первоходец профессор Н.А. Гредескул так охарактеризовал ее историческое значение: «Русское освободительное движение и выросшая из него первая Дума навсегда останутся прочным фундаментом для дальнейшего развития России не только в политическом, но и в национальном отношении».⁶⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Ледницкий А. Национальный вопрос в Государственной думе // Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение первой Думы. Сб. статей. СПб., 1907. С. 154-167; Гредескул Н. Национальный вопрос в первой Думе // К 10-летию I-ой Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. Сб. ст. первоходцев. Пг., 1916. С. 76-88.

2 См., напр.: Залевский К. Национальные партии в России // Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 225-344; Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

3 См.: Z. Lukawski, *Koło polskie w rosyjskiej Dumie państwowej w latach 1906-1909* (Wrocław, 1967); E. Chmielewski, *The Polish Question in the Russian State Duma* (Knoxville, 1970); J.W. Gerus, "The Ukrainian Question in the Russian Dumas, 1906-1917: An Overview," *Studia Ukrainica* 2 (1984); Запрудник Я. Справа аўтаноміі Беларусі ў Першай Думе і «Наша Ніва» // 3 гісторыі на «Вы». Артыкулы, успаміны, дакументы. Мінск, 1994. С. 314-332.

4 См.: Darius Staliūnas, "Rinkimai į I Rusijos Dūmą Lietuvoje," *Lietuvos istorijos metraštis. 1992 metai* (Vilnius, 1994), pp. 45-66; Regina Laukaitytė, "Lietuviai valstybės Dūmoje," *Lietuvos Istorijos metraštis, 1992 metai* (Vilnius, 1994), pp. 31-44; Киян М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906-1907 гг.). Харьков, 1997; Забайски М.М., Пуцик У.С. Представительства ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906-1917 гг.). Мінск, 1998; Озганбай О. Государственная дума России и Казахстан (1905-1917). Алма-Аты, 2000.

5 См.: Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906-1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906-1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост Л.А. Ямаева. Уфа, 1998; Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной думе России (1906-1917). Казань, 1999.

6 См.: Братолобова М.В. Казачья проблема в Государственной думе России в начале XX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2003. № 1-2; Братолобова М.В., Перехов Я.А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 3; Каранетян Л.А. Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество: три века историчес-

- кого пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996; *Галутво А.М.* Парламентская деятельность кубанских казаков: история и современность // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону, 1996.
- 7 См., напр.: *Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999.
- 8 РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 76.
- 9 Законодательные акты переходного времени (1904-1907 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1907. С. 140, 153.
- 10 Материалы по учреждению Государственной думы. [СПб.,] 1905. С. 30.
- 11 Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. IV. Кн. 7. Ч. 2. СПб., 1911. С. 1.
- 12 Подробнее см.: *Циунчук Р.А.* Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма // *Kazan, Moscow, St.-Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire.* Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 87.
- 13 R. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, Vol. 2 (Princeton, 2000), p. 402.
- 14 Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 207.
- 15 *Огородников Н.* Первый день // К 10-летию I-й Государственной думы. С. 53.
- 16 *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 156. Здесь, впрочем, уместно указать на факты последующей деятельности этого депутата. Летом 1906 г. он выступил одним из организаторов Кронштадтского восстания, а в 1917 г. предлагал эсерам взять в заложники и убить большевистских вождей.
- 17 Цит. по: *Смирнов.* Государственная дума. С. 207.
- 18 *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 60.
- 19 Цит. по: *Варшавский С.* Жизнь и труды первой Государственной думы. М., 1907. С. 8.
- 20 Там же. С. 10.
- 21 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. СПб., 1906. С. 1.
- 22 Законодательные акты переходного времени. С. 7.
- 23 Первая государственная дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906. С. 7.
- 24 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 5.
- 25 Своеобразным признанием парламентского опыта финляндского Сейма стало командирование в Гельсингфорс для обучения группы думских стенографистов. – См.: *Селунская Н.Б., Бородин А.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н.* Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 145.
- 26 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 1853.
- 27 Там же. С. 1855.
- 28 Там же. С. 1907-1908, 1941. Этими депутатами стали кадеты – профессор А.В. Васильев (конская губ.), адвокат Ф.И. Родичев (Тверская губ.), землец А.А. Свечин (Черниговская губ.), лидер партии демократических реформ профессор М.М. Ковалевский (Харьковская губ.), беспартийный, юрист М.Я. Острогорский (Гродненская губ.) и трудовик А.Ф. Аладьин (Симбирская губ.).
- 29 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 5-6, 33, 252-253, 587.
- 30 Там же. С. 6.
- 31 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 6.
- 32 Там же. С. 7.
- 33 Там же. С. 9, 10, 33, 251-252.
- 34 Там же. С. 3, 9, 251-252, 587-588.
- 35 Там же. С. 37; РНБ (Российская национальная библиотека), ф. 1072, т. 15, л. 194; РГИА, ф. 1276, оп. 2. 1906, д. 9а, л. 31; ф. 1278, оп. 1. 1906. I созыв, д. 468, л. 3; *Рамишвили И.И.* Из тюрьмы в Государственную думу // К 10-летию I-й Государственной думы. С. 174-175; *Букейханов А.Н.* Выборы в Степном крае // К 10-летию I-й Государственной думы. С. 48.
- 36 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 21.
- 37 Там же. С. 10.
- 38 Там же. С. 28.
- 39 Там же. С. 29.
- 40 См.: Там же. Т. II. СПб., 1906. С. 1570.
- 41 Там же. Т. I. С. 31.
- 42 Цит. по: *Шаховской Д.* Виктор Петрович Обнинский // К 10-летию I-ой Государственной думы. С. 212-213.
- 43 *Бородин Н.* Личный состав первой Государственной думы, ее организация и статистические сведения о членах //

- Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение Первой думы. С. 23-27.
- 44 Казбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907. М., 1996. С. 71.
- 45 Бородин. Личный состав первой Государственной думы. С. 33.
- 46 Он же. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 39.
- 47 См.: Циунчук. Развитие политической жизни мусульманских народов. С. 188.
- 48 Мусульманская парламентская фракция. Б.м., б.г. С. 2.
- 49 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 43.
- 50 Там же. С. 51.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 50.
- 53 Chmielewski, *The Polish Question*, p. 34.
- 54 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 102.
- 55 Извольский. Воспоминания. С. 73.
- 56 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 109.
- 57 Там же. С. 36.
- 58 Там же. С. 197.
- 59 Там же. С. 93.
- 60 Там же. С. 192.
- 61 Там же. С. 103.
- 62 Там же. С. 127.
- 63 Там же. С. 153.
- 64 Там же. С. 122.
- 65 Там же. С. 241.
- 66 Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 246.
- 67 Гредескул. Национальный вопрос в первой Думе. С. 88.